

Александр Етоев

Спикосрак капитана

Немова

Александр Етоев
Спикосрак капитана Немова

«Автор»

2002

Етоев А. В.

Спикосрак капитана Немова / А. В. Етоев — «Автор», 2002

© Етоев А. В., 2002

© Автор, 2002

Содержание

Посвящение	5
Глава первая. Валенки и его хозяин	6
Глава вторая. Явление огуречного короля	8
Глава третья. Спичечный коробок с ракетой	11
Глава четвертая. Три фингала или один?	14
Глава пятая. Похититель свиного рыла	17
Глава шестая. Планета бурь	20
Глава седьмая. Водятся ли в Африке комары?	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Етоев

Спикосрак капитана Немова

Повесть из советских времен

Что тебе мешает придумать порох непромокаемый?
Козьма Прутков

Посвящение

Каждый в детстве что-нибудь коллекционировал. Кто фантики от конфет, кто марки, кто спичечные наклейки. Один мой знакомый собирал коллекцию пауков. Как-то их специально засушивал и держал в коробочках из-под пудры. Другой мой знакомый был помешан на оловянных солдатиках. Лично я коллекционировал все подряд – и фантики, и марки, и спичечные наклейки, и книги, и закладки для книг. Только от пауков Бог миловал. В школе на переменках, на улице и в полутьме подворотен кипели коллекционерские страсти. Одно бельгийское Конго с бабочкой *Satyrus hermione* шло за десять видов столицы братской Монголии города Улан-Батора. Набор спичечных этикеток с вредителями сельского хозяйства (12 штук) приравнялся к пяти деятелям Парижской коммуны или же к одному Че Геваре в берете и с пулеметом в руках. Комплект «Техники – молодежи» с «Туманностью Андромеды» стоил трех романов Немцова. И т. д. Годам к тринадцати, переболев собирательством, повзрослевший человек успокаивался. Интересы менялись – кто-то начинал замечать, что девочки не совсем одно и то же, что мальчики. Другие записывались в Дома и во Дворцы пионеров, чтобы помалу приобщаться к полезной деятельности – дудению на горне или трубе, паянию электрических схем, моделированию летательных аппаратов, рисованию портретов и натюрмортов. Третьи, разочаровавшись в жизни, ступали на тропу хулиганства, готовя благодатную почву для нынешней криминальной России. Каждый искал себя, такая уж человеческая природа. И лишь самые неутомимые и азартные не выпускали коллекционерское знамя и пронесли его через всю жизнь. Вот таким-то и посвящается эта повесть.

Глава первая. Валенок и его хозяин

На город навалилась жара; это было неожиданно и приятно – после долгого холодного марта. Мы все поснимали шапки и забросили их на шкафы. На улице не было лужи, которая не захотела бы вдруг сделаться океаном; и делались, переливаясь через края и рождая торопливые речки. По ним плыли из варяг в греки наши белые бумажные корабли. Из земли полезли трава и какие-то маленькие букашки. Коты сопели на солнце и мирно улыбались прохожим. Весна примирила всех. Даже голуби клевали с руки.

Вот в такой-то веселый день я и мой друг Щелчков стояли на берегу Фонтанки и смотрели, как мимо нас плывет одинокий валенок. Плыл он в положении стоя на обтаявшей, ноздреватой льдине, и мы ему немного завидовали. За Калинкиным начиналось море, а я и мой друг Щелчков бредили островами сокровищ, берегами слоновой кости, пиратами мексиканских заливов и прочими романтическими страстями.

– Жалко, – сказал Щелчков, – что до лета еще два месяца. Вон в Африке – всегда лето. А здесь ждешь не дождешься, а оно – раз! – и уже кончилось.

Валенок, равнодушный к миру, ушел в тень под Английский мост.

– Интересно, – сказал Щелчков, – доплывет он до мыса Горн?

– Не знаю, – ответил я. – Океан – опасная штука. Налетит какой-нибудь шквал, или спрут под воду утянет, или пресная вода кончится. Всякое может быть.

– Да, – загрустил Щелчков. – Живешь здесь, как лягушка в болоте. Ни пиратов, ни акул, ничего. Кран на кухне открыл – и пей себе, пока из ушей не польется. Скука! – Он протяжно зевнул. – Я летом, когда буду на даче, сделаю себе настоящий плот, из шкафа, я уже придумал какой. Речка там будь здоров, почти как наша Фонтанка, только берега не такие. И помельче, зато есть водопад...

– погоди! Пстой! Ну куда же ты! – Вдоль берега прокатился крик, тихий и какой-то обиженный. Но что всего удивительнее – тихий-то он был тихий, но сразу же заглушил и Щелчкова, и автомобильную возню на мосту, и звонкие голоса трамваев.

Щелчков мгновенно примолк. Мы оба повернули головы влево и увидели такую картину.

По стершемуся граниту набережной бежал человек. Лицо его было маленькое, глаза мелкие, рот большой. Бежал он прямо на нас, размахивая огромным зонтиком. Ручка зонтика была выставлена вперед и загнута на конце крючком.

Одет человек был странно – в латанном-перелатанном полушубке, из которого лезли вата и какие-то бесцветные колоски, в галстук в зеленый горошек, в розовой, навывпуск, рубашке и в сиреневых спортивных штанах. Левая нога была в валенке, правая – в одиноком носке с глядящей из дырки пяткой. Носок был морковно-красный, пятка – неопределенного цвета.

Он с шумом пробежал мимо, зыркнув глазом по нашим лицам и обдав непонятным запахом. Сладким и каким-то соленым с легким привкусом увядшей березы. Будто воблу сварили в сахаре, перемешивая березовым веником.

Мы, как по команде, переглянулись и повернули головы вслед.

Человек взбежал на Английский мост, ткнул зонтиком куда-то через перила, потом скатился клубком на набережную и побежал к ближайшему спуску.

Мы тихонечко поспешили за ним и, немного не доходя до спуска, встали за гранитную тумбу.

Человек стоял на краю, на низкой гранитной кромке, и ручкой зонтика тянулся к воде. Перед ним медленно, как во сне, плыл на маленькой аккуратной льдинке наш старый знакомый – валенок.

– Ну немножечко, ну еще... – волнуясь и прискакивая на месте, уговаривал он непослушную льдину. – Еще чуточку, ну на два сантиметра...

Но льдина на уговоры не поддавалась. Она тихо себе плыла и думала о чем-то своем.

Человек на берегу чуть не плакал. Та нога, что была без валенка, выводила печальный танец; левая, сочувствуя правой, нервно и не в такт ей притопывала.

Мы смотрели, как человек старается, и нам его стало жалко. Первым сообразил Щелчков. Он вытащил из кармана гайку, прищурился и метнул в воду. Она булькнула перед носом льдины и погнала маленькую волну. Льдина удивленно подпрыгнула и слегка подалась к берегу. Зонтик клацнул по ледяному краю; валенок лениво качнуло.

– Так, ага, вот-вот-вот... – Рука с зонтиком потянулась к валенку. – И еще... – Но в этот момент судьба, видно, окончательно отвернулась от человека с зонтиком. Раздался плеск, зонтик выпрыгнул из руки хозяина и, как сонная озерная рыба, бухнулся в холодную воду. И сразу пошел ко дну. – Это что же... Это куда же... – Человек сбросил с плеч полушубок, потом поправил сбившийся галстук и погрозил кулаком реке. Неудача вывела его из себя; из робкого, неуверенного, спокойного он сделался сердитым и шумным. – Сволочь, морду набью! – Валенок был уже далеко. – Утоплю гадину! – Он с силой размахнулся ногой и ударил ею по недосыгаемому обидчику. Валенок, стоявший на льдине, на это не ответил никак. Зато тот, что был на ноге, ракетой взметнулся в воздух и, описав коротенькую дугу, приземлился рядышком со своим напарником.

Столь коварный зигзаг судьбы вывел бы из себя и мертвого. Но не таков был человек в галстуке. Он три раза вдохнул и выдохнул, сделал двадцать пять приседаний, вытащил из кармана расческу и тщательно причесал волосы. Потом надел сброшенный полушубок и направился в нашу сторону. По лицу его блуждала улыбка. Виноватая и немного жалкая.

– Вот так у меня всегда, – сказал он, проходя мимо. – Гонишься за копейкой, а теряешь на рубль.

Незнакомец развел руками и, насвистывая мелодию из «Мистера Икса», пошлепал по плитам набережной. Из круглых дырок в его красных носках печально глядели пятки.

Глава вторая. Явление огуречного короля

Валенки мы нашли.

Льдина мирно терлась о берег и грелась на теплом солнышке. На льдине стояли валенки. Напротив из-под арок моста медленно вытекала Фонтанка и поворачивала к близкому морю. А здесь над тихой водой стояли голые еще тополя и скандалили голодные чайки.

– Что теперь? – спросил я у Щелчкова.

– Теперь найдем этого человека и отдадим ему валенки, – сказал Щелчков, прикладывая к ноге находку. Валенки были велики. Он приложил второй. Второй был тоже велик.

– Где ты его найдешь? Человек в городе как иголка.

– Это просто, – сказал Щелчков, засовывая в валенок руку. – Напишем объявление с нашим адресом. Повесим его на... – Щелчков не договорил; он наморщил лоб и вытащил из валенка руку. В ладони его лежала бумажка, маленький квадратный листок, заполненный какими-то буквами.

Вот, что мы прочитали:

«Троицкий рынок. Ряд 1, место 4. Веники, петушки на палочке, вобла вяленая. Оптом и в розницу. Кочубеев».

– Вот видишь, – сказал Щелчков, – и объявлений писать не надо. Идем.

Мы отправились на Троицкий рынок.

В те далекие времена, про которые говорится в повести, Троицкий рынок был совсем не такой как нынче. Это был обычный колхозный рынок, вроде Ситного или Московского, только гораздо меньше. Сжатый со всех сторон каменными глухими стенами, парадным своим фасадом он выходил на церковь, на синие купола собора.

Но нам, коломенским жителям, с фасада было ходить несподручно. Мы сюда попадали с тыла, зигзагами проходных дворов, прямо с набережной Фонтанки.

Сторона здесь была чужая, и коломенских в этих краях не жаловали. Люди жили нахотленные и дикие, на вопросы отвечали вопросами, но все больше молчали и нервничали, играя на щеках желваками.

Рынок встретил нас как всегда – пристальными косыми взглядами. Особенно глаз торговцев цеплялся за спасенные валенки; они спали у Щелчкова под мышкой, подошвами в обе стороны, как сомлевший тянитолкай.

Мы ходили между рядами, присматриваясь к их населению и принимаясь к различным запахам. Человека в красных носках среди торгующих почему-то не было. И почему-то ниоткуда не пахло ни вениками, ни воблой, ни петушками. Мы обошли все ряды, потом обошли их снова. На третьем витке обхода из-за бочки с ржавыми огурцами высунулась чья-то рука.

– Эй, – сказала рука, пальцем показывая на нас. Мы недоуменно переглянулись и уставились на говорящую руку. – Ты, с прыщом на носу. Это я к тебе обращаюсь. – Я понял, что говорят со Щелчковым. У меня был прыщ на щеке. – Товар у тебя почему?

– Товар? – смутился Щелчков. – Нету у меня никакого товара.

– А под мышкой у тебя что? Не товар?

– Это не товар, это валенки.

– Вот я про них и спрашиваю: почему?

– Нипочем. Это мы хозяина ищем. Кочубеев его фамилия. Ряд первый, место четвертое. Мы их на Фонтанке нашли.

Рука спряталась, за бочкой что-то забулькало. Рядом, на соседнем прилавке, дремало свиное рыло. Толстый дядька в окровавленном фартуке затачивал тесаком спичку. Он ее заточил как гвоздик и раскрыл свой просторный рот. За бочкой все еще булькало.

Бульканье продолжалось долго. Мы стояли и не знали, что делать – уходить или подождать еще. Наконец бульканье стихло. Снова показалась рука: на этот раз она возникла над бочкой, ухватила пальцами огурец, повертела его и спряталась. Теперь за бочкой уже не булькало, а хрустело.

– Пойдем, – сказал мне Щелчков, – ничего мы здесь не дождемся.

Мы двинулись вдоль ряда на выход, но не сделали и пяти шагов, как услышали сзади смех:

– Кочубеев, его фамилия, – пробивались сквозь смех слова. – Ряд первый, место четвертое. Бегония, эй! Ты слышал? Тумаков, Вякин, вы слышали?

Мы остановились и обернулись.

Над бочкой, как пожарная каланча, возвышался очень тощий субъект, похожий на скелет человека. Человека, который смеется. На нем были грязный халат и булыжного цвета кепка. Руками он держался за бочку, а зубами – за слюнявую папиросу, пытящую ядовитым дымом.

– Всю жизнь огурцами торгую, а такого чудного дела... – шепелявил он, тряс папиросой и частями своего тщедушного организма. – Бегония! Ты про бумеранг знаешь? А книжку про Геракла читал?

Толстый дядька за прилавком с мясoproдуктами кончил колдовать зубочисткой и медленно повернулся к тощему.

– Э? – спросил он коротко и сурово.

– Видишь пацана с валенками? Это тот самый валенок, который с того мужика свалился, когда ты его за шиворот тряс. Который ты потом за крышу забросил.

– Нэ-эт, это другой, тот был адын, а нэ два, – ответил ему толстяк.

– А ты у мальчика спроси, тот он или не тот. – Тощий обошел бочку и, пожевывая свою папиросу, вприплясочку направился к нам. По пути он выудил огурец и заложил его за правое ухо.

Щелчков вынул валенки из-под мышки и убрал за спину. На всякий случай, чтобы не отобрали.

– Первый, говоришь, ряд? – Верзила подошел к нам. – Фамилия, говоришь, Кочубеев? – Тощий переломился в поясе, и голова его вместе с кепкой оказалась за спиной у Щелčkова. Щелчков съезжился; с огурца, который прятался у верзилы за ухом, капало ему на затылок. – Бегония! Это тот! – закричал он вдруг оглушительно. – Я же говорю: бумеранг. Ты его туда – он обратно. И еще приятеля прихватил.

Вокруг нас уже толпились зеваки.

Каланча вытащил из толпы какого-то тугоухого дедушку и орал ему, размахивая руками:

– Витёк-то у нас, слышь, приболел – может, съел чего-нибудь несъедобное, может, кильку, может, ватрушку, может, голову себе отлежал, когда ночевал на ящиках. А может, просто – радикулит. Ну а этот, ну которого валенок, явился, понимаешь, как хорь, и раскладывается на Витькином месте...

– Ёршики, они для навару, – кивал ему тугоухий дедушка, и в голове у него что-то шелкало и скрипело.

– Такой маленький, а уже отпетый. – Шустрая бабуля с корзинкой вылезла откуда-то из-за спин и, смешно раздувая щеки, закудаhtала, как старая курица: – Белье у меня давеча сняли, три наволочки в цветочек, новый пододеяльник, прищепок тринадцать штук...

– А я ему говорю: погодь. – Тощий в кепке и с огурцом за ухом уже рассказывал какому-то инвалиду на самодельном металлическом костыле. – Это что же, говорю, получается; для того, говорю, выходит, человек травился ватрушкой, чтобы всякий залетный хмырь поганил своими венниками здоровую атмосферу рынка? А он мне бумажку тычет: заплачено, мол, и здрасьте. Но мы же тоже не дяди Вани. Человек, он, говорю, не бумажка, даже если у него бюллетень. Крикнул я тут Вякина с Тумаковым, крикнул я тут Бегонию...

– Который? Этот? С прыщом? Или длинный, который в кепке?

– Ворюгу поймали... двух. Один на шухере стоял, на углу, другой колеса с автомобилей свинчивал. А эта бабка, вон та, с корзиной, на Сенном эти колеса толкала, по пятнадцать рублей за пару...

– Бабку они с балкона скинули, хорошо был первый этаж...

– Против ветру оно конечно, против ветру только в аэроплане...

Скоро все это мне надоело. Народ нервничал и ходил кругами, болтая всякую чепуху. Инвалид уже размахивал костылем, выбирая из толпы жертву. Тугоухий дедушка улыбался; он рассказывал, как солить треску. Тощий, одна нога босиком, держал в руке лохматый полуботинок и объяснял на живом примере особенности полета валенка. Кто-то спорил, кто-то смеялся, кто-то громко жевал батон. Тихая, убогая собачонка болталась у жующего под ногами и слизывала с асфальта крошки.

Я тыкнул Щелчкова в бок, но это уже был не Щелчков, а какой-то гражданин в шляпе. Он странно на меня посмотрел, но тыкать в ответ не стал – наверное, не хотел связываться.

Щелчков куда-то исчез и объявился только через минуту; в руке у него был огурец, зато валенок почему-то не было.

– Это я у кощея выменял. – Он ткнул огурцом мне в нос. – На валенки, пропади они пропадом. На, кусай половину.

– Не буду. – Я помотал головой. – От него ухом воняет.

– Как хочешь, – сказал Щелчков и сунул огурец в рот.

Сунул и тут же вынул.

Глава третья. Спичечный коробок с ракетой

У стенки на разбитом асфальте лежала газета «Труд». А на этой газете «Труд», с краюшку, очень скромно, лежал тихий спичечный коробок с космической ракетой на этикетке.

Коробок лежал не один. Рядом с ним на той же газете расположились, тесня друг друга, кучки гвоздиков, шайб, шурупов, маленькие моточки проволоки, лампочки со сгоревшей нитью, горка пробок от бутылок из-под шампанского, заводная курочка-ряба, мутный полосатый стакан, деревянная подставка для чайника в виде профиля Пушкина-лицеиста и прочие разнообразные вещи.

Но ни гвозди, ни железный свисток, ни подставка в виде профиля Пушкина нас не интересовали. Мы видели одну лишь ракету, плывущую среди мелких звезд. И гордую надпись «СССР» на красивом ее боку.

Коробок манил и притягивал. Щелчков, как его увидел, весь затрясся и похудел лицом. У Щелčkова такой этикетки не было. Были с Белкой, были со Стрелкой, были с первым искусственным спутником, с Циолковским было целых четыре, а вот просто с ракетой не было. И у меня не было.

Я бросился к коробку первым. Шаг у меня был шире, и руки длиннее, чем у Щелčkова, на два сантиметра с четвертью. Щелчков хрипел, как безумный, и топал у меня за спиной. Я расставил руки крестом, заслоняя от Щелčkова газету. Я забыл, что такое дружба. Я забыл, что он мой сосед и что мы учимся с ним в одном классе. Я забыл, что я ему должен за контрольную по русскому языку. Я забыл, что прошедшим летом брал у него сачок и удочку. Я забыл, где я живу. В каком городе и на какой планете. Я забыл свое имя. И отчество, и даже фамилию. Я помнил только одно. Дома в коробке из-под зефира хранится мое сокровище. Моя коллекция спичечных этикеток. В двух тонких тетрадках в клеточку. Которую я собирал полгода. По урнам, улицам, по дворам, выменивая у друзей-приятелей, выпрашивая у знакомых и незнакомых. И в этой моей коллекции не хватает самого главного – маленькой наклейки с ракетой.

– Чем, ребята, интересуетесь? – раздался вдруг тихий голос. – Стаканом? Курочкой-рябой? Есть шурупчики для мелкой работы, «пусто-пусто» из домино, графин...

Меня как в сугроб воткнули. Или окатили водой. Я резко повертел головой и уперся глазами в стену. У стены сидел старичок. Я палец собственный готов был отдать на съедение – только что у стены никакого старичка не было.

– Да, – сказал я нервно и невпопад. – Добрый вечер, то есть спокойной ночи, то есть это... как его... извините...

Из-под правой моей руки просунулась голова Щелčkова. Язык его лежал на щеке. В глазах, в каждом зрачке, лежала на дне ракета и плавали обидные огоньки.

– Вот лампочка, – продолжал старик, – вещь в хозяйстве очень необходимая. Любая мама спасибо скажет. Применяется для ручной штопки. Вот вроде бы элементарная пробка от бутылки из-под шампанского. А надеваешь ее на ножку стула, и на паркете ни единой царапины. Не пробка – настоящее чудо. А этот стакан, видите? – Старичок взял с газеты мутный полосатый стакан, поставил его себе на ладонь и другой ладонью прихлопнул. Ладони сложились плотно; стакан куда-то исчез. – Фокус-покус, – рассмеялся старик. – Ловкость рук и никакого мошенничества. – Он убрал ладонь. Я увидел вместо стакана кольца, сложенные одно в другое. – Сделано в ГДР. – Старичок перевернул бывший стакан вверх дном. – А в придачу еще и зеркальце. – Он показал нам зеркальце. – Лимонаду выпил, стакан сложил и смотри, какой ты красивый.

– Сколько... – сглотнул Щелчков, не отрывая взгляда от коробка. – Сколько *он* у вас стоит?

– Ну... – Старичок задумался. – Все зависит от покупателя. Иному не отдам и за рубль, а иному и без денег не жалко. Тебе ведь не стакан нужен, ведь так? – Старик внимательно посмотрел на Щелчкова.

Щелчков был уже впереди меня, в одной руке зажав огурец, а другой ощупывая карманы. Лоб его потемнел и сморщился, и стал похож на грушу из сухофруктов. В глазах то вспыхивал огонек надежды, то стояла глухая ночь.

– Вот... – Рука его елозила по карманам, сначала быстро, потом все медленней, и вдруг повисла как неживая. Дать ему было нечего. Щелчков стоял секунд десять молча, потом лицо его налилось краской и он выдал не своим голосом: – Галстук вам свой отдам, хотите? Почти новый, только вот здесь вот дырочка... – Он с какой-то безнадежной решимостью потянулся к пионерскому галстуку.

– Галстук мне твой не нужен, галстук оставь себе, – нахмурившись, произнес старик. – Какой же ты пионер без галстука! А вот огурец возьму. Если ты, конечно, не возражаешь. Огурец – продукт положительный, поддерживает пищеварение организма. Особенно, когда натощак.

Он взял двумя пальцами огурец, внимательно его повертел, лизнул, посмотрел на свет, поскреб огурцом о стенку и, видимо, не найдя дефектов, убрал огурец в карман.

Я стоял, как глиняный истукан, и молча следил за сделкой. От коварства моего лучшего друга у меня омертвело тело. Только глаза работали, тупо моргая по-лягушачьи.

Щелчков согнулся над коробком; руки его, как хищные птицы, кружили над беззащитной жертвой. Ниже, ниже... Я моргнул и закрыл глаза.

«Вот ведь как получается, – думал я в абсолютной тьме. – Валенки вместе спасали, огурец был тоже напололам, а коробок достанется ему одному...»

Мне хотелось застрелиться и умереть. Чтобы Щелчков, когда меня похоронят, пришел на мою могилу и, плача и рыдая, сказал. Прости, сказал бы Щелчков. Я был *жилой*, подлецом и нахалом. Валенки вместе спасали, а коробок достался мне одному. И тут он достает коробок и кладет его на мою могилу. Я жду, когда он уйдет, и тихонечко, чтобы никто не видел, быстро вылезая из-под земли. Кладу коробок в карман и уплываю на плоту в Африку.

– Так, несанкционированная торговля! – Голос прогремел будто с неба. – Ваши документы, гражданин.

Я открыл глаза. Рядом, между мной и Щелчковым, стоял хмурый усатый милиционер и крутил на пальце свисток. Лицо его было сонное и в веснушках. Коробок лежал как лежал. Старичок сидел как сидел. Только один Щелчков стал похож на дохлого кролика – помертвел, посинел и сжался.

– Чего там с ними миндальничать. За руки, за ноги и в тюрьму. Правильно, товарищ Гаврилов?

Хмурый милиционер обернулся. Мы со Щелчковым тоже. Длинный, у которого Щелчков выменял огурец, улыбался милиционеру благостно. Ноги его были обуты в спасенные нами валенки, халат наполовину распахнут. На груди по горбушкам волн плыли лодочки, киты и русалки.

– А у вас, гражданин Ухарев, никто советов не спрашивает.

– Я что – я ничего. Развели, говорю, на свою голову спекулянтов. Тюрьма по ним, гаврилкам, говорю, плачет. Разве не так?

Хмурый милиционер вздохнул, отвернулся от владельца халата и решительно перевел разговор на рельсы несанкционированной торговли.

– Ваши, гражданин, документы, – повторил он, крутя свисток, и веснушки на его круглом носу заалели, как на болоте клюква; из-за низкого скоса крыши выплыло весеннее солнце.

– Имеются, а как же, мы ж понимаем. – Старичок ничуть не смутился, а напротив – заулыбался весело. – Солнце, – он показал на солнце, – и то живет по закону. Восход тогда-то,

заход во столько-то. А уж мне, старому человеку, без закона никак нельзя. Вам паспорт? Или справочку из собеса? Вы штопкой, я извиняюсь, не увлекаетесь? А то грибок, пожалуйста, в виде лампочки. Очень нужная в домоводстве вещь. И шурупчики для мелкой работы... – Тут старик подскочил на месте и схватился руками за голову. – Ну конечно! Как я сразу не догадался! – Он поднял с газетки стакан и завертел им перед носом милиционера. – Стакан дорожный складной гэдээровский со специальным зеркальцем для бритвы. Мечта всякого культурного человека...

Милиционер мотнул головой и почесал в ухе свистком.

– Вы мне это... – сказал он хмуро. – Зубы не заговаривайте.

– Что вы, что вы. – Старичок поклонился. – Вот, пожалуйста, мои документы. – И летучим движением руки он поднял с земли коробок и протянул его представителю власти.

Тот повел себя как-то странно. Не кричал, не топал ногами, не свистел в свой молчаливый свисток, а поднес коробок к глазам и вяло зашевелил губами. Потом отдал коробок хозяину, козырнул и сказал: «Порядок».

И тут над рыночными рядами пронесся звериный рык. Люди втянули головы. Рык превратился в стон, затем в глухие жалобные похрюкивания, сквозь которые проклевывались слова.

– Вах! – слышалось от прилавка с мясопродуктами. – Горе на мою бедную голову! Такой красивый свинья! Глаза – вах! – па-а-мидоры, а нэ глаза. Мама, ты меня слышишь? Зачем ты меня родила, мама!..

– Посторонись! – Распугивая свистком толпу, товарищ милиционер Гаврилов уже двигался ликвидировать беспорядок. – В чем дело? Почему крик?

– Грабеж среди бела дня. – Толстый дядька в окровавленном фартуке терся крупной щекой в щетине о свисающую баранью ногу. Глаза его были печальные. – Присел завязать шнурок, ну, секунда, ну, пять секунд, и – па-а-жал-ста, щэни дэда! – украли свиную голову... У Кляпова свинью не украли, у Тумакова свинью не украли, у Ухарева огурцы не похитили, а у Бегонии – пожалуйста, хить?

– Протокол... Свидетели... Есть свидетели? – Хмурый милиционер Гаврилов обвел глазами редеющую толпу зевак, постукивая карандашиком по планшету. Задержался взглядом на подозрительной старушке с усами, выхватил зрачком из толпы инвалида на железной ноге. Но ничего похожего на свиное рыло не обнаружил.

Среди шума и поднявшейся суеты мы забыли про коробок с ракетой, а когда вспомнили и вернулись к стене, там уже никого не было. Старичок бесследно исчез, и ракета на коробке тоже.

Глава четвертая. Три фингала или один?

Молча мы дошли до моста, молча пробрели мимо сфинксов. Уже на коломенской стороне, с Лермонтовского свернув на набережную, я угрюмо посмотрел на Щелчкова, а он угрюмо посмотрел на меня. Посмотрели, помолчали, побрели дальше – не останавливаясь.

«В общем-то, – думал я про Щелчкова, – ничего особенно нехорошего он не сделал. Ну, хотел обойти меня с коробком – все равно ж ведь не получилось. – Угрюмости моей поубавилось. – И от огурца мне откусить предлагал».

Я уже собрался остановиться и протянуть ему руку дружбы, но прежде чем ее протянуть, сунул руку дружбы в карман и там ей вдруг стало холодно. Потом жарко, потом опять холодно. В кармане среди семечной шелухи и потертых конфетных фантиков лежало что-то твердое и чужое. Пальцами я сдавил предмет, стенки его чуть-чуть спружинили. Я понял, что там лежало. Там лежал коробок. И почему-то я был уверен – коробок был именно *тот*.

– Здрасьте! – раздался голос. – Какие люди! Какая встреча!

Из-за толстого ствола тополя, потеющего на теплом солнце, вылезла сначала нога, потом весь хулиган Матросов. Вразвалочку, стилижной походкой он медленно прохилил нам навстречу и грудью загородил дорогу. Следом из-за того же дерева вышли Громилин с Ватниковым и начинающий хулиган Звягин. Они встали за спиной предводителя с нахальными улыбочками на лицах.

Мгновенно коробок был забыт; я понял, что дело плохо; так просто от их компании не отделаешься. Щелчков мялся немного сзади и сопел носом. Я взглянул налево, направо, но помощи ждать было неоткуда. Убежать я тоже не мог. Во-первых, у их компании ног было больше в четыре раза. Во-вторых, попробуй я убежать, то навеки прослыл бы трусом и каждый на нашей улице насмеялся бы надо мной как мог.

– Мордобой заказывали? – скаля зубы, сказал Матросов. Носок его облупленного ботинка отстукивал на граните «Мурку». Хулиганы Громилин с Ватниковым идиотски заготовали. Начинаящий хулиган Звягин схватился за свой тощий живот.

Мы насупились и ждали, что будет. Хотя ждать было особенно нечего; встречи с хулиганом Матросовым не кончались ничем хорошим.

Вообще, хулиган Матросов был злым гением нашей улицы. Из школы его выгнали в третьем классе за сожжение новогодней елки. Родители на него махнули рукой, милиция смотрела сквозь пальцы. Иногда его, конечно, ловили, приводили в детскую комнату, но терпения у тамошних воспитательниц хватало на час, на два; а потом его выпроваживали обратно.

Про подвиги его ходили легенды. К примеру, прошедшим летом на спор с хулиганом Ватниковым он совершил глубоководное погружение в бочку с квасом у кинотеатра «Рекорд». Влез на бочку, откинул крышку и нырнул туда в семейных трусах. Очередь, конечно, заволновалась, тетка-продащица занервничала. Когда на шум явился милиционер, Матросов уже сидел на крыше углового четырехэтажного дома и поплевывал с высоты на граждан. Из ближайшего отделения милиции прибежали с десятков милиционеров и через парадные и черные лестницы бросились его обезвреживать. Внизу, конечно, не остался из них никто, всем, конечно, хотелось совершить геройское задержание лично. Так вот, хулиган Матросов, чувствуя, что пахнет баландой, как какой-нибудь акробат в цирке, по хлипкой водосточной трубе в три секунды спустился вниз, у Громилина стрельнул закурить, у Ватникова прихватил огоньку, потом вежливо помахал всем ручкой и прыгнул в отходящий трамвай.

Историй, подобных этой, про Матросова рассказывали десятки.

Вот теперь и нам со Щелчковым выпал случай поучаствовать в представлении по сценарию известного хулигана. И похоже, что в роли жертв.

– Ватников, папиросу! – Не отворачивая от нас лицо, Матросов поднял кулак с оттопыренными средним и указательным; Ватников достал папиросу и вставил предводителю между пальцами. Тот сунул отраву в рот и, жамкая, приказал: – Огня!

Громилин развел руками; Звягин завозился в карманах, нашел горелую спичку и больше не нашел ничего.

– Огня! – повторил Матросов.

– Нету! – ответил Ватников. – Мы ж, когда почтовые ящики поджигали, полный коробок перечиркали.

– Плохо, – сказал Матросов. – А ты у ребят спроси. Может, они курящие?

– Ага, эти курящие, у этих на роже видно. – Он медленно обогнул Матросова и медленно направился к нам.

– Ну, – сказал он, приблизившись, – кто тут из вас курящий?

– Мы не курим, – сказал Щелчков; зубы его приплясывали.

– Я не понял: мы – это кто? – Ватников посмотрел на Щелчкова.

– Мы с Тамарой ходим парой, – пошутил из-за спины предводителя начинающий хулиган Звягин.

– Мы – это он и я, – сказал я.

– Я не понял, – протянул Ватников; он уже смотрел на меня. – Кажется, я спросил у тебя, – он снова посмотрел на Щелчкова, – а ответил не ты, а он. – Голова его повернулась ко мне. – Что-то с пацанами не то. Может, они с приветом? – Он пальцем повертел у виска.

– Вот это мы сейчас и проверим. – С ухмылочкой хулиган Матросов щелкнул пальцами над правым плечом. – Звягин, ты у нас самый умный. Спроси их что-нибудь заковыристое. Если с трех раз не ответят, за последствия я не отвечаю.

Начинающий хулиган Звягин вышел из-за плеча Матросова. Важно наморщив лоб и покусывая зубами губы, с полминуты он ходил перед нами. Потом резко развернулся на каблуках и, хихикая, прошамкал вопрос:

– Однажды двум человекам два других человека поставили три фингала. А тем, которые их поставили, первые два человека поставили на один фингал меньше. Спрашивается, сколько глаз остались у них у всех не подбитыми?

Вопрос был такой дурацкий, что и думать было особо нечего. Я крикнул и собрался ответить. Но только я открыл рот, как покрасневший хулиган Матросов выпалил на одном дыхании:

– Пять отнять четыре будет один. – Лицо его сияло от гордости. – Значит, один фингал.

– Неправильно, – сказал я. – Не подбитыми остались три глаза.

Лицо у хулигана Матросова из красного стало желтым.

– Это как это? – Он тревожно взглянул на Звягина. – От пяти, – он поднял пять пальцев, – отнять четыре... – Матросов загнул четыре. – Будет... – Он долго смотрел на палец, оставшийся после операции вычитания, и медленно шевелил губами. – Один! – Лицо его расплылось в улыбке, из желтого превращаясь в розовое. Он торжественно поднял палец вверх, потом сложил из кулака фигу и покрутил ею у меня перед носом. – Накось выкуси, математик.

– Неправильно, будет три! – упрямо повторил я и собрался рассказать ход решения. Но хулиган Матросов не дал. Он похлопал по плечу Ватникова, подергал воротник у Громилина, дал негромкую оплеуху Звягину.

– Как решим? – спросил хулиган Матросов, проделав эти важные действия. – Человек настаивает на трех фингалах. Может, сделаем, раз человеку хочется?

– Раз хочется, почему не сделать? Три фингала – это мы запросто, – пожал плечами хулиган Ватников. – Два этому и один – тому.

– Заодно проверим ответ: три фингала или один, – кивнул хулиган Громилин.

Начинающий хулиган Звягин что-то неразборчиво хмыкнул.

Матросов поплевал на кулак. Я напрягся, ожидая удара. Сзади сипло, как натруженный чайник, мне в затылок дышал Щелчков. Рука моя, не зная, что делать, сунулась зачем-то в карман. И снова наткнулась на коробок. Пальцем я погладил наклейку. И подумал: если бы не эти уроды, сидел бы я сейчас дома, пил чай с черничным вареньем и рассматривал свою нечаянную находку.

Если бы не эти уроды...

Глава пятая. Похититель свиного рыла

И только я так подумал, как сверху, с необхватного тополя, под которым мы все стояли, посыпались какие-то веточки, какие-то кусочки коры, какая-то непонятная шелуха и прочий древесный мусор. Ветки наверху заскрипели.

Мы разом подняли головы.

Метрах в четырех над землей из рогатины раздвоенного ствола на нас глядело свиное рыло.

Я не знал, смеяться мне или плакать. Просто стоял и молчал с раскрытым от изумления ртом. Когда я его закрыл, вокруг были тишина и покой. Топот хулиганской четверки, эхом отразившись в ушах, растворился в Климовом переулке. Это было очень неплохо. От Матросова мы отделались. Непонятно теперь было одно: как отделаться от свиного рыла. И что у него на уме.

Рыло глядело хмуро. Потом сказало знакомым голосом:

– Братцы, это я – Шкипидаров. Снимите меня отсюда, я уже всю задницу отсидел!

Сзади зашевелился Щелчков.

– Какой же ты Шкипидаров, – сказал он, выступая вперед. – У Шкипидарова лицо не такое. И вообще Шкипидаров рыжий.

– Шкипидаров я, Шкипидаров, – сказало свиное рыло. – Это я от погони спрятался.

Щелчков приблизился к дереву и задумчиво поскреб по стволу.

– Голос будто похожий, – сказал он, сощурился глаз. – Но лицо... – Он снова задумался. Потом хитро посмотрел на меня, подмигнул и спросил у рыла: – Слушай, если ты Шкипидаров, ответь, пожалуйста, на вопрос. В пятницу в школьной столовой сколько ты съел ватрушек на спор с Мымриным и Бубониным?

– Одиннадцать, – ответило рыло. – И пять пирожков с повидлом.

Все правильно. Мы со Щелчковым переглянулись.

– Как же ты так забрался, – спросил Щелчков, – что слезть обратно не можешь? И почему у тебя другое лицо?

– Это у меня не лицо. А лицо мое – оно вот... – Из-за рыла высунулась рука, отодвинула рыло в сторону, и мы увидели лицо Шкипидарова, все в солнечных апрельских веснушках. – А как на дерево забрался, не знаю. Думал, за мной погоня, я и залез.

– Интересно, – сказал Щелчков, потирая от возбуждения руки, – а не то ли это самое рыло, которое на базаре стыбзили? Шкипидаров, эй, Шкипидаров! Скажи честно, это ты его стыбзил?

Я внимательно пригляделся к рылу. Может, то, а может, не то. Рыла все на одно лицо, все как негры или китайцы. Сонными заплывшими глазками оно глядело за Египетский мост. Я украдкой проследил его взгляд, но подозрительного ничего не заметил.

На дереве сопел Шкипидаров. Он мучался, сопел, но молчал.

– Ладно, – сказал Щелчков. – Украл, не украл, не важно. Все-таки, если б не ты, ходить бы нам сейчас с синяками. А может, и с чем похуже. – Он стащил с себя школьную куртку с чернильными пятнами на кармане. – Ты когда-нибудь, Шкипидаров, видел, как работают пожарные на пожаре? Как они спасают людей с горящих этажей зданий? Не видел? Сейчас увидишь. Держи. – Он сунул мне в руку край полы своей форменной куртки; сам взялся за другой край, второй рукой схватившись за воротник. Я проделал то же самое, что и он. – На-а-тягиваем! – бодрым голосом прокричал Щелчков. Что есть силы мы натянули куртку. – На счет «один» – прыгай. – Это он сказал Шкипидарову и, не медля, повел отсчет. – Три, два... Приготовились!

Наверху затрещали ветки. Мы стояли со Щелчковым, пригнувшись и уставившись один на другого. Мускулы на наших руках трепетали, ожидая удара.

– Два с половиной...

– Сколько-сколько? – переспросил Шкипидаров сверху. – Нечестно, считай помедленнее.

– Два с четвертью. Приготовились!

– Ребята, а может, не надо? Здесь неплохо, даже удобно. Чистый воздух, кислород и вообще...

Но Щелчков был неумолим:

– Повторяю: готовность номер один! – Лоб его покрылся морщинами. На губах уже вертелась колечком роковая буква «о». Наконец она подпрыгнула вверх, потянув за собой другие.

– Один! – прохрипел Щелчков и добавил следом: – Па-а-шел!

Мы зажмурились. Что-то быстрое и тяжелое, как булыжник, просвистело мимо наших ушей, ударило по натянутой куртке, отскочило и, перелетев ограждение, бухнулось в текучую воду.

В страхе мы открыли глаза.

– Шкипидаров! – крикнул Щелчков, и мы бросились к чугунному парапету. Крупные круги на воде и разводы растревоженной мути – это все, что мы увидели на поверхности.

– Шкипидаров! – закричали мы оба, вглядываясь в равнодушную воду.

Со дна выскочил зеленый пузырь, подержался с две секунды на воздухе и лопнул с издевательским звуком, напоминающим звук плевка об асфальт.

Я угрюмо посмотрел на Щелчкова. Тот вздохнул и потупил взгляд.

– «Так работают пожарные на пожаре», – передразнил я его сурово. Потом добавил ядовито и желчно: – А как работают спасатели на воде?

– Ну, не рассчитал, ну, бывает, – вяло стал оправдываться Щелчков. – Я ж не думал, что он будет такой... упругий... Наверное, это пирожки и ватрушки, которые ему Мымрин с Бубониным тогда на переменке проспорили.

– Пирожки, ватрушки... Из-за нас человек утонул, а он мне – «пирожки и ватрушки»!

– У-у-у!.. – послышалось за нашими спинами.

Мы растерянно обернулись. Лица наши на мгновение застыли, потом вытянулись, как у резиновых кукол, и в глазах у нас запрыгали огоньки. Щеки сделались розовые и гладкие. Ноги стали легкие, как пружинки. Щелчков подпрыгнул и подбежал к тополю. Я бросился вприпрыжку за ним.

С оттаявшей полоски земли между тополем и плитами набережной, из-за могучего морщинистого ствола на нас смотрели два ошалелых глаза. Облупленный веснушчатый нос жалобно сопел и похлюпывал.

– У-у-у... – тянул Шкипидаров на волчьей, однообразной ноте. – Ы-ы-ы... – Шершавой щекой он терся о морщины ствола. Потом выполз, как солдат, из-за тополя и, пошатываясь, поднялся на ноги.

– Жив, утопленник, даже не покалеченный, – прыгал вокруг него Щелчков. – Здорово ты нас объегорил. Мы-то думали, ты на дне. Думали, тебя рыбки кушают. А ты – вот он, целый и невредимый. – Внезапно он перестал прыгать и посмотрел на Шкипидарова исподлобья. – А кто же тогда утонул?

Шкипидаров мычал и укал и тарачил перепуганные глаза.

– Какая тебе разница, кто, – вступился я за бедного Шкипидарова. – Главное, обошлось без жертв.

– Но я же слышал! – упрямо твердил Щелчков. – Я же ясно слышал, как что-то булькнуло. И потом – круги на воде. Если это не Шкипидаров, тогда кто же упал в Фонтанку? Кто-то же в Фонтанку упал!

Как Щелчков ни настаивал, как он ни добивался истины, кроме уkania, ыkania и сопения, из Шкипидарова не выходило ни звука. Время между тем утекало. Мы чувствовали это по всхлипам в желудках.

– Дяденька! – прокричал Щелчков незнакомому рыболову с удочкой, пристроившемуся неподалеку у тумбы. Рыболов был лысый, как яйцо; локоть уперев в парапет, он подергивал бамбуковое удилище и уныло смотрел на воду. – Сколько времени, не подскажите?

Откуда этот рыболов появился, за заботами мы так и не поняли. Набережная была, вроде, пустая. Лишь у тумбы, где он стоял, лежала старая зеленая шляпа, и из нее, трепеща от страха, глядела в небо перепуганными глазами крохотная рыбка-колюшка. Может, он поднялся со спуска? Впрочем, ни мне, ни Щелчкову тогда было не до какого-то рыболова. Мы устали, нам хотелось домой, да еще это несчастье со Шкипидаровым.

Рыболов словно прирос к парапету; лысая, блестящая голова в нашу сторону даже не повернулась – может быть, у него клевало, а может, он не расслышал слов.

Щелчков тихонечко, чтобы не распугать рыбу, на цыпочках приблизился к рыболову. Губами нацелился ему в ухо и шепотом повторил вопрос.

Человек с удилищем вздрогнул и искоса посмотрел на Щелчкова. В лысине на его голове отражались солнечные лучи. Они били в глаза Щелчкова, и тот шурился и отводил взгляд.

– Время, – переспросил Щелчков и для верности постучал себе по запястью.

Лысина рыболова вспыхнула, даже я зажмурил глаза, так в ней играло солнце. Щелчков, тот вообще присел, уворачиваясь от солнечного удара.

– У-у-у... – сказал рыболов. Дернулся и добавил: – Ы-ы-ы... – Потом вдруг сосредоточился, замер, глазами уцепился за поплавок и, резко подсекши леску, потянул удилище на себя.

Ему было уже не до нас. По яростным рывкам и побряхтыванию мы поняли, что дело серьезное. Ключнула не какая-нибудь колюшка или сопливый ерш. Вот оно – рыбацкое счастье. Теперь главное – не дать добыче уйти. Мы ждали, чем закончится поединок.

Ждать пришлось не меньше минуты. И вот рыболов присел и в каком-то нечеловеческом развороте выбросил добычу на берег. Она с брызгами ударилась о гранит, попрыгала на нагретых плитах и успокоилась.

Мы смотрели на чудо-рыбу. Заплывшими свинячьими глазками чудо-рыба смотрела на нас. На левом свинячьем ухе непонятно откуда взявшаяся прилепилась ученическая фуражка. Первым не удержался Щелчков. Щеки его раздулись, губы заходили зигзагом, но не вынесли внутреннего давления и смех выплеснулся наружу. Я смотрел на него, смотрел и, видя, что Щелчкова не остановишь, начал хохотать тоже.

Шкипидаров же повел себя странно. Он приблизился к свиной голове, потянулся осторожно к фуражке, сорвал ее и натянул на себя.

От такого его странного поведения мы даже перестали смеяться. Шкипидаров, наоборот, улыбнулся и выставил большой палец вверх. Потом, видимо, о чем-то подумал и повернул голову к рыболову. Но у тумбы уже никого не было. Ни рыболова, ни его шляпы.

– Спасибо, – сказал он пустому месту.

– Пожалуйста, – ответил ему Щелчков. – А с этим что будем делать? – Он показал на свиное рыло.

– С этим? – Шкипидаров нагнулся, подхватил свиное рыло с гранита набережной и покачал его на ладони. – С этим просто. – Как ожившая статуя дискобола, широким разворотом руки он зашвырнул свиное рыло в Фонтанку.

Глава шестая. Планета бурь

Не то чтобы за все это время я ни разу не вспомнил про коробок. Просто суета со Шкипидаровым и приключение со свиной головой отодвинули мысль о наклейке на задний, домашний план. Нужно было придти домой, там спокойненько все обдумать, сообразить, как сказать Щелчкову, чтобы тот не лопнул от зависти, узнав, что коробок у меня. Ну, с этим было проще простого. Шел из школы мимо знакомой урны, по привычке сунул руку, а там: на тебе, пожалуйста, – коробок. Поверит, куда он денется, когда увидит этикетку с ракетой.

– Я – домой, – сказал я Щелчкову. – Сегодня мама обещала испечь пирог.

– С капустой, – кисло ухмыльнулся Щелчков. – И подгорелый, – добавил он, глотая слюну.

– Сам ты с капустой и подгорелый, – отмахнулся я от Щелčkова.

– А у нас сегодня макароны по-флотски. И компот, – сказал Шкипидаров.

Мы перешли набережную и направились к Климову переулку. Перед тем, как в него свернуть, я тихонечко заглянул за угол и внимательно осмотрел местность. Все спокойно: ни Матросова, ни его дружков в переулке не наблюдалось. Без приключений мы дошли до Прядильной. По дороге Шкипидаров поведал нам о своих сегодняшних подвигах.

– На рынок я за семечками ходил. А Гмырин, есть там такой, семечками торгует и всяким, так вот, этот самый Гмырин, когда я над прилавком нагнулся, хват с моей головы фуражку, схватил и не отдает. Да еще моей же фуражкой дергает у меня перед носом, будто с собачонкой играет. Я хочу у него фуражку отнять, а он дерг ее на себя да дерг, дерг на себя да дерг. Потом пустил мою фуражку по ряду, там все у него друзья-приятели, а толстый, который с мясом, взял мою фуражку и смеха ради под свиную голову подложил. Я – дерг, уже чуть не плачу, а он мне селединой по рукам, они там селедку чистили, вроде как собирались обедать. Ну, я отошел в сторонку, пропала моя фуражка, думаю, а в это время у стенки народ зарыпался, кого-то там у стенки поймали. Все сразу повернулись туда, а толстый, чьим рылом была моя фуражка накрыта, тот вроде как вообще из-за прилавка ушел. Я хват свою фуражку из-под свиньи, а она к свиному рылу прилипла и никак от него, зараза, не отлипает. Тут я словно взгляд на себе почувал, серьезный такой, внимательный. Я, не глядя, схватил и рыло и головной убор, ну, и дунул оттуда во все лопатки. Как бежал – не помню, очнулся уже на дереве.

– Дела... – загадочно протянул Щелчков.

– Да уж, – поддакнул я.

О своем походе на рынок мы пока ему говорить не стали.

– Покедова, – сказал Шкипидаров и повернул домой.

Шкипидаров жил в угловом доме, первый подъезд направо; нам, Щелчкову и мне, чтобы дойти до дома, нужно было перейти улицу. Со Щелчковым мы были соседи, жили в одной квартире и сидели за одной партой. Учились мы в классе «а», Шкипидаров учился в «б».

– Макаронам по-флотски передавай привет, – крикнул ему в спину Щелчков.

– И компоту, – добавил я, но Шкипидаров уже скрылся в подъезде.

Пропажу я обнаружил лишь на подходе к дому. В брюках не было коробка. Я судорожно рылся в карманах, исподлобья присматриваясь к Щелчкову. Дружба – дружбой, а кто его знает – может, стыбил, пока мы Шкипидарову помогали. Я был мрачен и перестал доверять людям.

– Ты чего? – спросил наконец Щелчков, не выдержав моего упорного взгляда. – Ключ потерял?

– Так, ничего. – Я попытался придать себе равнодушный вид. – Слушай, Щелчков, там, под деревом, ты ничего такого не находил?

– Такого это какого? – тупо спросил Щелчков, явно не понимая вопроса.

– Ну, маленького такого, квадратного, вот такого. – Я жестами изобразил коробок. – С интересной такой картинкой.

– Маленького? Квадратного? Нет, не помню. Не было там ничего квадратного, кроме рыла. А почему ты спрашиваешь?

– Ты иди, я – сейчас, – сказал я тогда Щелчкову и стремительно припустил на набережную.

– погоди, ты что, ты куда? Твоей маме-то что сказать?

Но я Щелčkова уже не слышал, я уже пробежал Климов, держа курс под тополь на набережной. Во мне еще оставалась надежда, что коробок где-нибудь там, вывалился из кармана случайно, когда мы разбирались со Шкипидаровым.

Я сидел, угрюмый, возле окна и думал о событиях дня. Ничему-то я был не рад – ни маминому воскресному пирогу, который был не с капустой, а с творогом, ни общественному коту Василию, который, по случаю воскресенья, скрывался в нашей комнате от соседки. Ни даже своей коллекции этикеток, которая вдруг поблекла и поскучнела без пропавшего коробка с ракетой. Почему-то я несколько не думал, как он у меня появился. Мои мысли были про то, как коробок исчез. Я подозревал всех по очереди – Щелčkова, Шкипидарова, рыболова. Особенно рыболова с его слепящей, будто прожектор, лысиной.

Родители ушли в гости. На кухне хозяйничала Сопелкина. Это значило, что никому из соседей на кухню прохода не было. Там властвовал едкий чад, стреляли со сковородки шкварки, а опасные чугунные утюги высматривали себе подходящую жертву. С Сопелкиной предпочитали не связываться, во всех коммунальных ссорах она правила колесницей победы, а поверженные в прах противники с ужасом уносили ноги от ее ядовитых стрел.

В комнату заглянул Щелчков, увидел меня насуспенного и задумался – входить или не входить. Я кивнул, он вошел, робея. Щелчкову я уже все рассказал. Но, кажется, он мне не очень поверил. Ухмылка, во всяком случае, с которой он меня выслушал, говорила скорее против, нежели за.

– На, я тебе книжку принес. – Он протянул мне сильно трепанного «Человека-амфибию».

Я взял книгу, бросил на подоконник и уставился на чешуйчатого Ихтиандра, нарисованного на зеленой обложке.

– Не понравился мне тот рыболов. И лысина мне его не понравилась, и то, что он все время молчал, – повторил я в который раз, отколупывая от Ихтиандра чешуйки.

– Глухонемой, вот и молчал, – ответил мне на это Щелчков и с хрустом пожал плечами. – У тебя что-нибудь про шпионов есть? «Тарангул» там или этот, как его, «Майор Пронин»? А то все фантастика да фантастика, у меня от твоей фантастики не голова уже, а планета бурь.

– Если глухонемой, то почему же тогда он вздрогнул? – взглянул я на Щелčkова с сомнением.

На кухне загрохотало. Щелчков подошел к двери, приоткрыл ее и выглянул в коридор. Кот Василий подошел тоже, но выглядывать на всякий случай не стал. Кто знает эту Сопелкину, вдруг она нарочно устроила в кухне грохот, а теперь стоит за дверью и ждет с утюгом в руке, когда высунется первая жертва. Кот был существо осторожное и зря на рожон не лез.

Я увидел, как спина у Щелčkова сначала заволновалась мелко, но, похоже, не от страха – от смеха. Потом по полотняной рубашке запрыгала волна покрупней, и дрожь передалась на затылок. Василий посмотрел на Щелčkова и, убедившись, что у того не припадок, высунул полголовы в коридор. Потом всхлипнул как-то по-человечьи и, когтями царапая половицы, затрясся в кошачьем смехе. Хвост его, как барабанная палочка, отстукивал на полу румбу.

Я тоже подбежал к двери. Еще не зная причину смеха, я уже заранее похохатывал. Но когда я выглянул в коридор и увидел в коридоре Сопелкину, то, наверно, впервые понял, что такое смеяться по-настоящему.

С виду, вроде, Сопелкина была как Сопелкина. Те же тапки на босу ногу с вылезавшими во все стороны пальцами, тот же выцветший халат в лебедях. Только там, где у людей голова, у соседки была пыльная банка с тусклой надписью «Огурцы маринованные» на наклеенной на стекло наклейке. Сопелкина занималась тем, что, вцепившись руками в банку, то ли свинчивала ее с себя, то ли, наоборот, навинчивала. Мелкие подводные звуки вяло вылетали из-под стекла и тут же, на лету, умирали, съеденные коридорными стенами.

– Планета бурь! – Щелчков смеялся как сумасшедший. – Человек-амфибия... – Он бил себя по впалой груди и пальцем показывал на соседку. – Вот она где, фантастика. И в космос лететь не надо.

Рядом смеялся кот. Я не отставал тоже.

Когда первые волны смеха одна за одной угасти, мы задумались, что же все-таки с Сопелкиной происходит. Как это ее угораздило всунуть голову в стеклотару из-под огурцов.

– Вера Павловна, вы чего? – Осторожно, прижимаясь к стене, я отправился выяснять ситуацию. Пару метров не доходя до соседки, я внимательно взгляделся в стекло, стараясь по шевелению губ разобрать ее невнятные речи. Но с шевелением ничего не вышло, мешала огуречная этикетка, наклеенная как раз на то место, за которым прятался ее рот.

– Вера Павловна, поверните банку! – Сложив из ладоней рупор, проорал я что было сил.

Что-то она мне ответила, но звуки застревали в стекле, а через узенькую щелочку возле шеи проходило совсем немного. Кроме тихого слова «сволочь» и какого-то болотного кваканья, я толком ничего не услышал.

Тогда на языке жестов я показал ей, как повернуть банку.

Сопелкина повела себя странно. Пальцы правой руки она собрала в кулак и костяшками забарабанила по стеклу, там, примерно, где у нее было темечко; указательным пальцем левой она при этом показывала на меня.

– Все понятно, – сказал Щелчков. – Раз стучит, значит, хочет, чтобы с ней говорили стуком. Ты азбуку Морзе знаешь?

– Так, не очень. Может быть, пару слов.

– Вот и стучи, что знаешь. Главное, когда будешь к ней подходить, смотри, чтобы по ноге не ударила, она может. Видишь, тапок как ходуном ходит. Иди, стучи, только не сильно, чтобы банку не кокнуть.

Медленно, не выпуская тапка из виду, я стал подходить к Сопелкиной. Она ждала, оперев руки в бока. Из-за стекла поверх надписи «Огурцы маринованные» смотрели два ее круглых глаза. Я уже потянулся к банке, но в этот самый момент Сопелкина выбросила руки вперед, схватила меня за плечи и резко притянула к себе. Затем откинула назад голову, помедлила, наверно, с секунду и опустила свою голову на мою.

Послышался звон стекла, в глазах моих стало пасмурно, а в уши вонзился крик:

– Ну, ироды, ну, погодите, вам это так, задешево, не пройдет!

Глава седьмая. Водятся ли в Африке комары?

– Видел я вашего старичка, по приметам – тот, – насупившись, рассказывал Шкипидаров. Дело было в среду после уроков, вечером. Мы сидели в древнем кузове пятитонки. Вокруг спали грузовики. Собака Вовка мирно подремывала у будки, охраняя автобазу от расхитителей. Лёшка, ученик сторожа, терся возле нашей компании и посасывал заножённый палец.

Автобаза была маленькая, игрушечная, примерно, на десяток машин да на новенький мотоцикл «Ява», поставленный на вечерний прикол известным мотоциклетным асом Костей-Американцем-старшим. Располагалась она здесь же на нашей улице, по соседству, между домами тринадцатым и одиннадцатым.

Сторож базы, Ёжиков дядя Коля, по нечётным числам по вечерам проводил свое рабочее время в бане на Усачёва, передав ученику Лёшке законные державу и скипетр, то есть медный свисток с цепочкой и древнее нестреляющее ружье. Сегодня было как раз нечётное.

Дядя Коля был наш старый знакомый; прошлой осенью, когда улицу перекопали по случаю прорыва канализации, мы вытащили дядю Колю из рва, куда его закатило ветром. Поэтому территория автобазы, где дядя Коля был царь и бог, стала для нас родной. Здесь, в кузове пятитонки, отъездившей своё еще во времена татаро-монгольского ига, мы обычно собирались по вечерам. Кузов был нашим штабом, здесь мы строили планы, здесь мы играли в ножички; на базу, кроме меня и Щелчкова да нескольких наших верных приятелей, посторонних никого не пускали.

Шкипидаров устроился на обрезке шины, я и Щелчков сидели на деревянной лавочке, тянущейся вдоль борта списанного инвалида-грузовика. Лёшка стоял снаружи, опираясь на вверенное ему ружье. На груди его поверх пиджака, будто крупный геройский орден, мирно висел свисток.

– ... Не понимаю только, зачем вам этот старичок сдался. Дед как дед, торгует раками рядом со скобяной лавкой. Всего стоящего у него – это борода и очки. – Шкипидаров поднял глаза и смотрел теперь на плоскую стену, по которой кривой походкой гуляла ярко-красная надпись: «Водитель, помни! Каждая капля сэкономленного бензина приближает наше светлое будущее!»

– Какие раки?! Не было никаких раков! И бороды никакой не было! – остановил я Шкипидарова нервно. – Были эти... лампочки для ручной штопки, курочка-ряба была... спички... – Я запнулся; про коробок говорить не стоило.

– Нет, борода была, – уверенно произнес Щелчков. – Раков не было, а борода была.

– Как же не было раков, когда я сам этих раков трогал. – Шкипидаров замотал головой и заёрзал на резиновой шине. – По пяточку штука, красные такие, усатые. Смотрят из ведра и пищат.

Лёшка, ученик сторожа, до этого равнодушно прислушивавшийся, заинтересованно заглянул к нам в кузов.

– Я не понял, – сказал он, скалясь, – как это «красные и пищат»?

– Красные, потому что вареные, а пищат, потому что больно, – ответил на вопрос Шкипидаров.

– А-а! – Лёшка кивнул и, задумавшись, отошел от машины.

– Шкипидаров, ты перепутал. Это был не тот старичок. У нашего – бороды не было, – настойчиво повторил я.

– Была, – возразил Щелчков. – Очков не было, это точно, а борода была. И палка была, и кепка.

– Но я же помню, я его как живого перед собой вижу. Желтые такие усы, прокуренные... Нос. – Я показал, какой был у старичка нос. – Голова лысая, кепки не было, точно, не было никакой кепки. Палка... палки не помню, кажется, тоже не было.

– Я не понял, при чем тут я? Вам этот старик нужен, вы его и ищите. А то один говорит, что лысый, другой говорит, что в кепке. Один говорит, с усами, другой говорит, что с носом. Нет, ребята, ходите на рынок сами. – Шкипидаров привстал над кузовом и сделал вид, что собирается уходить.

– Послушайте. – В кузов снова заглянул Лёшка. – Красные, ну это понятно. Вареные, потому и красные. Но раз вареные, почему им больно?

Тут неслышно из-за левого борта показалась дяди Колина голова.

– Что, мазурики, испугались? – Дядя Коля вытащил из-под мышки веник и повесил его сушиться. От машины к сарайчику у ближней стены была протянута веревка с прищепками. – Духовито, – втянул он носом сладковатый веничный дух. – Про что спорите, пионерия? Про двойки или про тройки?

– Я думал, вы в бане паритесь, – сказал младший ученик сторожа, – а вы – вот он, как Сивка-бурка. Как же это вы, дядя Коля, сюда так незаметно проникли? Ворота-то заперты на запор. И Вовка храпит, как радио.

– Хе-хе, – сказал дядя Коля, – это у меня, Лёшка, секрет. Может, я это специально сюда так незаметно проник, чтобы проверить, Алексей, твою служебную бдительность. – Дядя Коля пригрозил пальцем. – Автобаза ж, она – объект! – Дядя Коля сдвинул крупные брови. – Это ж понимать надо!

– А я знаю, – сказал Щелчков, – там, под машиной, люк. Вы через него и пролезли. Я слышал, как крышка грохнула.

– Срезал. – Дядя Коля кивнул и весело посмотрел на Щелчкова. – Один ноль в твою пользу, хлопец. А скажи мне, раз ты такой умный, в Африке комары водятся?

– В Африке комары не водятся, – уверенно ответил Щелчков, – в Африке – там москиты.

– Да-а... – задумчиво сказал дядя Коля. – А я думал, комар везде. Он же легонький, дунь в него, он и пырк. – Дядя Коля потеревил веник. – Интересно, а ерши в Африке есть?

– Нет, – ввязался в разговор Лёшка, – ерш – рыба наша, русская. Ерш и еще пескарь.

Я сразу вспомнил лысого рыболова с набережной и потерявшийся коробок. Воспоминание о наклейке с ракетой опустило меня с москитных африканских небес на землю. Надо было, не надеясь на Шкипидарова, завтра идти на рынок и искать того старичка самому. Вдруг коробок с ракетой у старичка не один. Чем рыночный черт не шутит?

Сторожевая собака Вовка, услышав дяди Колин басок, бодро завиляла хвостом и, улыбаясь, подбежала к хозяину. Дядя Коля потрепал ее за загривок и вытащил из кармана сушку.

– Что, Вовик, проголодавши? – Раскрутив сушку на пальце, он подбросил ее высоко вверх. Вовка терпеливо ждала, когда маленькое колесико с маком приземлится на собачий язык. Вдруг она крупно вздрогнула и, мгновенно забыв про сушку, повернула морду к забору. Шерсть на ее загривке вздыбилась. Вовка заворчала тревожно и метнулась стрелой к воротам. Сушка отскочила от камня и укатилась под штабной грузовик.

– Эй, там, за забором! Есть здесь кто живой или нет? – раздался из-за забора голос.

Вовка на подобное хамство ответила возмущенным лаем, то и дело оборачиваясь к хозяину. «Может, загрызть нахала?» – спрашивали ее преданные глаза.

Дядя Коля повертел головой; это значило, что спешить не надо. Загрызть никогда не поздно, а дядя Коля был человек не злой.

– Это еще что за полундра? – Дядя Коля взял у Лёшки свисток и важной командирской походкой направился к чугунным воротам. Лёшка с ружьем в руках залег за мусорными бачками.

– Песик, эй, тью-тью-тью! Конфетку хочешь? – В щель между воротами и землей кто-то ловко носком ботинка пропихнул обсосанный леденец.

Вовка на секунду задумалась, облизнулась, но, поборов искушение, с новой силой залаяла на обидчика. Взятка на боевом посту каралась у дяди Коли строго.

Бог и он же царь автобазы открыл смотровую дырку и голосом степенным и строгим спросил у неизвестного с улицы:

– Я извиняюсь, а кто вы такие будете, что без спросу третесь у посторонних ворот, шумите и территорию мусорите? Все прохожие как прохожие, честно гуляют мимо, а вы, значит, такие особенные? Вам, значит, наш закон не указ, что собак кормить воспрещается? – Для пущей значительности и острастки дядя Коля поддал голосу гнева и крикнул в глубину автобазы: – Алексей! Тяжелым калибром, товсь! Первый выстрел – предупредительный, по ногам.

– Есть, тяжелым калибром товсь! – отчеканил ученик Лёшка и грохнул ружьем по бачку. Голуби на соседней крыше лениво взлетели в воздух, покружились и вернулись на место.

За воротами сначала притихли, потом вежливым дребезжащим голосом принялись объяснять:

– Сами-то мы будем приезжие, из деревни мы, из Желдобино, Новгородской области, Зюпонинского района, ищем дом шестой дробь четыре, квартиру гражданки Чёлкиной, а номер, я извиняюсь, не помним. Чёлкина нам будут родня, они моему племяннику крестная. Гостинцев вот ей везем, порадовать желаем гражданку.

– Чёлкина, говорите? Вашему племяннику крестная? – Сторож дядя Коля задумался. Потом сердито покачал головой. – Нету здесь никакой Чёлкиной. Ёжиков Николай Игнатъич, это да, такие имеются, Лёшка Шашечкин тоже есть, а Чёлкиной, извиняюсь, нету. Так что проходите, гражданин, мимо, тут объект государственного значения под охраной вооруженной ВОХРы, а не дом шесть дробь четыре. Здесь и дома-то никакого нет, разрушен прямым попаданием авиационной бомбы при героической обороне Ленинграда в сорок втором году, и не шесть он был дробь четыре, а номер имел одиннадцатый, как теперь имеет соседний, это после номера поменяли, когда город после войны отстраивался...

Я слушал разговор у ворот, а сам думал о наклейке с ракетой. Щелчков соскочил на землю и чем-то там за бортом хрустел. В кузове стало скучно. Шкипидаров ёрзал на шине и тыкал ножичком в деревянный настил; на меня он не обращал внимания. Лёшка, ученик сторожа, уже, ловко оседлавши бачок, целился из ружья в мочалку. Я перелез через борт и устроился со Щелчковым рядом. Тот сидел возле машины на корточках и посасывал дяди Колину сушку.

– Я подумал про этот люк, – сказал он и показал под кузов, – куда он еще ведет, кроме бани? Надо у дяди Коли выяснить.

– Зачем? – спросил я у него равнодушно.

– Как зачем? – удивился он. – Для незаметных перемещений по городу. Устроили на тебя, к примеру, возле дома враги засаду, а ты к ним с тылу и: «Руки вверх»!

– А если с тылу нет люка?

Тем временем дядя Коля, отделавшись от назойливого приезжего, заткнул смотровую дырку и вразвалочку направился к нам.

– Ходят тут, черти лысые, – бубнил он себе под нос. Вовка путалась у него в ногах и норовила лизнуть ботинок. – Насилу от этого ханурика отвязался. А то – Чёлкина, а то – мы приезжие, а глаза у самого так и зыркают, а нос так по забору и ходит, как у Вовки, когда она метки нюхает.

Я прислушался. Фраза про черта лысого вновь напомнила о рыболове с Фонтанки. Непонятно почему, я спросил:

– Дядя Коля, а этот, который спрашивал, он, случаем, был не лысый?

– Лысый? Почему – лысый! Волосатый, вот как она. – Дядя Коля кивнул на Вовку. – Я бы даже сказал – мохнатый, в смысле, руки у него мохом покрыты. Ну, не мохом, а волосами,

только больно на мох похоже. – Он сощурился и коротко хохотнул. – И наколочка еще на руке, что-то там на пальцах наколото. Может, «ВИТЯ», а может, «СЕВА», не помню. Это, когда он шляпой от воробьев отмахивался, я заметил.

Я понял, что это был не наш рыболов с Фонтанки, но на всякий случай спросил про шляпу:

– А шляпа у него, дядя Коля, какого была цвета, не помните?

– Как какого? Обыкновенного. Зеленого, как у всех. Какие еще бывают шляпы!

Вовка завилыла хвостом и, должно быть, о чем-то вспомнив, опроретью помчалась к воротам. Схватила это что-то зубами и быстро воротилась назад. К казенному дяди Колиному ботинку лег тот самый недососанный леденец. Дядя Коля дал Вовке отмашку, и собака, пуская слюну и хрипы, потащила леденец к будке, где она обычно обедала.

– Дядя Коля, – сказал Щелчков, – а люк, который здесь, под машиной, через который вы незаметно проникли, он откуда сюда ведет?

– Люк этот дело давнее, – задумавшись, сказал дядя Коля. – Довоенное дело, хлопцы. Это когда дом здесь еще стоял, с того времени. Во дворе этого бывшего дома, как во многих довоенных домах, был построен колодец бомбоубежища. Ну, башенка, сами знаете, внутри скобы вместо ступенек, вертикальный подземный спуск. По нему народ и спускался в специальные подземные помещения. Там и склады под землей были, был и свет, был и водопровод, много там чего тогда было, а если честно, – дядя Коля понизил голос, – много чего есть и сейчас...

– То есть как это? – не понял Щелчков. – То есть склады, свет и водопровод?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.